ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Елизавета Ерина

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ

Воспоминания

К 100-летию Государственного архива немцев Поволжья в г. Энгельсе

Не в силе Бог, а в правде.
Александр Невский

И кто сказал, что это всё архив,
Что здесь лишь документы, описи и папки,
Что здесь родиться может быть и миф,
Что здесь не пыльно жить и гладко!
Ах, верится в прошедшее с трудом,
Ах, хочется копаться вновь в бумагах,
Чтобы сегодня, завтра и потом
Являть примеры чести и отваги.
Александр Кобылинский

Уж сколько раз… да нет, не твердили миру, а просто обращались ко мне мои сотрудники, те, кто помогал в наборе текстов моих очерков на компьютере – Ольга Котелева и Ирина Чумакова, чтобы я оставила воспоминания о своей жизни и работе в архиве. Но мне всё было недосуг. Важнее, как я считала, возвращать обществу давно забытые, но такие достойные имена. Думаю, что и сегодня я перед многими из них в долгу. В моём «багаже» таких имён ещё не мало. И это не даёт покоя.

И я молю Бога словами моего внука Максима Ерина: пусть

Не иссякнет священный источник
Вдохновенья. Судьбы миражи
Воплощаются в сумерках ночи,
Растворяясь в потёмках души.

Но две даты всё-таки заставили меня взяться за перо, чтобы рассказать прежде всего о моём детище – архиве. Ведь ещё в 2018 году архивное строительство в стране перешагнуло вековой рубеж после подписания В. И. Лениным декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Да и Государственный архив немцев Поволжья в г. Энгельсе, которым мне довелось руководить 42 года и 7 месяцев (а работать в нём свыше 50 лет), в 2023 году отмечает 100-летний юбилей. Потому самое время обратиться к этой теме и оставить потомкам воспоминания не столько о своей жизни, сколько о работе в архиве. Потому что, как написала местная поэтесса Нина Гутник:

Архив не глухая копилка.
Туда заглянуть не ленись,
Там каждая строчка – как жилка,
И бьётся в ней прежняя жизнь…

С марта по август 1923 года в Области немцев Поволжья, в которую вошёл и Покровск с уездом в 1922 году, шли дебаты о создании Областного архива, в августе вопрос был решён, но начал он свою деятельность только в конце года. И мне посчастливилось не только написать историю архива, но и отдать дань своего уважения руководителям, которые создавали это уникальное в своём роде учреждение, собирали исторические документы со времён великой российской императрицы Екатерины II. Это М. В. Пискунов, И. П. Принц, И. Г. Вихман, П. Г. Краузе, К. П. Рудой, О. П. Дружинина.

Потому, подчеркну это ещё раз, я и решила свои воспоминания начать с работы в филиале Областного государственного архива Саратовской области в городе Энгельсе, именно так стал называться архив к 1945 году.

1965 год. Я, инспектор по детским домам и школам-интернатам ОблОНО (Областной отдел народного образования) и секретарь областной комиссии по делам несовершеннолетних при Саратовском областном исполнительном комитете (а с 1963 года ещё и заведующая кадрами и спецчастью «промышленного» областного отдела народного образования), по семейным обстоятельствам была вынуждена поменять место постоянного жительства. Мой супруг, начальник Передвижной механизированной колонны № 41 Энгельсцелинстроя А. В. Ерин получил на набережной в городе Энгельсе двухкомнатную квартиру – «хрущёвку», которая была сдана в эксплуатацию в марте 1965 года. Я в это время ждала рождения сына.

14 марта мы с мужем подошли к автодорожному мосту, который будет открыт официально только 10 июля, и милиционер позволил нам пройти по нему, видя, в каком положении женщина и насколько опасно путешествие по льду с наметившимися промоинами. Ранее неоднократно по делам службы в Комиссии по делам несовершеннолетних и по вопросам народного образования мне приходилось преодолевать путь в Энгельс за полтора-два часа именно по такому зыбкому льду через Волгу.

Заселившись в новую квартиру, я уехала в Саратов, где 4 мая родила сына. А уже осенью встал вопрос о моём трудоустройстве. Меня не хотели отпускать с работы ни в ОблОНО, ни в Облисполкоме. Более того, приехала Мария Васильевна Поцелуева, заместитель председателя Облисполкома, возглавлявшая комиссию по делам несовершеннолетних, и обещала, что первое время мне будут предоставлять транспорт. Но в то время движение по мосту ещё было ограничено, а троллейбус ходил только до Предмостовой (ныне Славянской) площади, потому пришлось отказаться от возвращения на свою прежнюю, интересную, да и довольно престижную работу в Саратове.

Безусловно, я хотела работать только в школе. Удобной по расположению была средняя школа № 11, и я обратилась с просьбой к заведующему Энгельсским городским отделом народного образования Сергею Петровичу Расторгуеву. К тому же, и директор этой школы Фёдор Григорьевич Жуков просил меня ещё ранее стать завучем по начальным классам. Однако он внезапно попал в больницу, и, как оказалось, надолго. Но завучем в то время, как я сама считала, не могла стать, так как была кормящей матерью, а работа в этой должности требовала быть целый день на работе.

Исполняла обязанности директора Валентина Николаевна Янович. Вот кто не хотел меня видеть в школе! Бывший заместитель председателя Энгельсского горисполкома, она стояла во главе городской комиссии по делам несовершеннолетних, работу которой мне ранее доводилось проверять. Потому я не получила часов в школе по моей специ-

альности – русский язык, литература и история. Она предложила только совершенно новый для меня предмет – обществоведение, 4 часа в неделю в параллельных 9-х и 10-х классах. Подготовка к урокам огромная, а зарплата минимальная. И тогда Сергей Петрович Расторгуев предложил мне до сентября следующего учебного года поработать методистом в архиве, о чём его просила Олимпиада Парамоновна Дружинина, директор филиала Саратовского областного государственного архива в городе Энгельсе.

Здание архива, 1950-е годы. Фото В. Серёженко.

Елизавета Ерина.

25 января 1966 года я подошла к зданию архива, расположенному, как и сейчас, на территории городского парка, на площади Ленина на пересечении с площадью Свободы. Внешне красивое здание, которое украшали по периметру оригинальные башенки, напоминало хлебный амбар с тремя отсеками, с большими амбарными дверями и замками на двух из них. Третьего отсека и третьей двери не было видно. Вход в архив закрывала небольшая убогая кирпичная пристройка (раньше была деревянной – см. фото), которая и скрывала эти двери.

Позднее мне удалось установить, что здание было построено в 1902 году хозяином Похазниковым действительно как амбар для хранения зерна, но место на центральной площади обязывало продумать архитектуру таким образом, чтобы оно являлось украшением площади. И сейчас этот бывший хлебный амбар, после многих реконструкций, является памятником истории и культуры областного значения.

Удручающе подействовала на меня обстановка внутри. Полутёмная комната тридцати метров и высотой более 4,5 метров, справа – огромная круглая печь, обшитая железом. Её буквально «облепили», грея руки, сотрудники архива в телогрейках и валенках. Их рабочие места были плохо освещены, столы – непонятно каких веков, весьма неприглядные; естественно, никакой техники. На противоположной от входа стене, как было принято, – висел огромный портрет Ленина.

Только представьте моё состояние. После работы в областном учреждении, располагавшемся в шикарном особняке на углу улиц Т. Шевченко и Чапаева, уже в то время стоящем на учёте государства как памятник истории и архитектуры, с паровым отоплением, прекрасными кабинетами, оснащёнными современной мебелью и нормальной техникой, пишущими машинками, – и перейти на работу в такие неустроенные условия! Каждый бы на моём месте задумался.

Тягостное впечатление не покидало меня. Но необходимы были средства для жизни, я не могла позволить себе не работать до следующего сентября, тем более что и нашлась нянька для сына. Она, Акульшина Анна Власовна, жила в моём же подъезде на первом этаже, а моя квартира – на втором, прямо над ней. Да и директор архива О. П. Дружинина уговаривала меня, обещая всяческую помощь и поддержку.

26 января мы с ней поехали на беседу к начальнику Архивного управления Михаилу Васильевичу Кутейникову. Управление располагалось в Саратове на улице Московской, тогда Ленина, в одном из домов, принадлежавших ранее Парсамовскому родильному дому.

Вошли в здание Управления, поднялись по какой-то убогой деревянной лестничке. Остановились на небольшой площадке перед массивной дверью. И здесь моя спутница попросила подождать, пока она сама переговорит с начальником. Я до сих пор вспоминаю об этом с чувством какой-то неловкости: меня уговаривали согласиться на эту авантюру, а теперь я должна ждать, пока меня соизволят пригласить. И показалось это ожидание настолько долгим, что я решила уйти, но именно в этот момент дверь открылась и меня попросили войти.

Меня, работника народного образования, разговор просто поразил. Ведь на прежнем месте работы, несмотря на мою молодость, ко мне никто не обращался на «ты». На мою реплику, что «мы с вами на брудершафт не пили», ответа не последовало. Ещё более поразили следующие слова: «Дружинина просится на твоё место, я не могу ей отказать». Только представьте моё состояние: какое моё место, ведь я ещё не работаю в архиве! А дальше – ещё интереснее! Кутейников сообщил, что долго меня не приглашали, так как наводили обо мне справки в ОблОНО, и предлагают мне должность… директора, а Дружинина станет моим заместителем. На ответ, что на директора не прошусь, он парировал, что на директора не просятся, на него назначают. При этом сразу оговорюсь, при нашем разговоре не присутствовал директор областного архива. Решение кадровых вопросов было в ведении Управления в то время, как и в дальнейшем, за все годы моей работы в архиве.

Что было со мной, не передать. Я уехала с тем, что не пойду на работу в архив, плакала и была безутешна, несмотря на уговоры О. П. Дружининой. Но и дома не нашла поддержки у мужа. Он считал, что коль уж идти на новое место, то не всё ли равно, с какой должности начинать работу, а по хозяйственным и строительным делам обещал помощь.

Итак, 27 января 1966 года я вышла на работу в должности директора в филиал Государственного архива Саратовской области в городе Энгельсе. Для себя же твёрдо решила, что с 1 сентября обязательно перейду в среднюю школу № 11 заведующей учебной частью по начальным классам…

Но эта дата – 27 января – перевернула всю мою жизнь даже не на 90, а на все 180 градусов.

…Утро выдалось морозным, но солнечным. В своём сером школьного покроя пальто с каракулевым воротником, в коротких, такого же цвета ботиночках на высоком каблуке вошла я в тот самый холодный, слабо освещённый амбар, где тут же получила от его обитательниц прозвище «фифочка». Их поразило и то, что архивный ярлык на связках я назвала «бирочкой».

Но им было неведомо, что «фифочка» с детских лет не гнушалась никакой «чёрной» работы, дитя войны, голода и холода, познала все трудности военных лет. Мыть холодной водой некрашеные полы, натирая их кирпичом, было обычным делом. Собирать оставшиеся после уборки урожая колоски вообще не считалось работой. Самым страшным для меня было выманивание сусликов из норок водой. Как я их боялась! Но преодолевала страх только тем, что их жир необходим был для восстановления здоровья раненых воинов в госпиталях, и тем, что каждый десятый суслик был наш. С ним мы в немецком котле во дворе школы варили так называемый суп на всех учеников. Как радовались те, кому доставалась хотя бы косточка! Мне не везло…

Неведомо им было и то, что мириться с тяжёлыми условиями труда в архиве я не собиралась.

Но многого в то время я и сама не знала, и прежде всего, что это за такой архив, куда я попала.

Правда, на прежней своей работе, по приказу заведующей, я исполняла запросы бывших воспитанников детских домов по документам, хранившимся в нашем учреждении, но для этого мне не надо было посещать государственный архив. В моём кабинете стоял шкаф, в котором находились списки воспитанников всех детских домов Саратовской области, в том числе и воспитанников детских домов АССР НП. Тогда я даже не знала, что обозначала эта аббревиатура – для меня это были просто буквы. Как оказалось, это были списки воспитанников детских домов той Немецкой республики, в архиве которой мне теперь придётся трудиться.

Ещё во время учёбы в Саратовском педагогическом институте я усвоила истину, высказанную Конфуцием: «Кто не заботится о далёких трудностях, того ожидают близкие неприятности». И этих как трудностей, так и неприятностей мне с лихвой хватило за долгие годы службы.

Мою настойчивость в достижении поставленной цели быстро понял не только коллектив, но и начальник Архивного управления М. В. Кутейников. Он был настоящим хозяйственником, каждую копейку старался использовать во благо системы. Если только директор одного из филиалов, а их было сначала четыре, а потом стало пять, не использовал выделенные для них средства на ремонт, он тут же звонил мне, не сомневаясь, что я найду им применение.

Уже в конце 1966 года М. В. Кутейников предложил мне за счёт вот таких неиспользованных, буквально копеечных средств на капитальный ремонт осуществить строительство пристройки к основному зданию в 72 кв. м.

Своей земли нам не хватало, и тогда директор парка, Лилия Андреевна Городецкая, на территории которого фактически и располагался наш архив, выделила нам недостающий кусочек территории. Тогда это было проще. В то время я ещё не знала, что она, Городецкая, урождённая Шнайдер, была дочерью репрессированного поволжского немца, Народного комиссара земледелия АССР НП. О судьбе его мне удалось написать позднее, но ещё при жизни дочери. А вот опубликован в газете очерк был в день её поминок, бывает же такое…

Ремонтно-строительное управление № 5 силами своих инженеров быстро запроектировало пристройку, выделило двух неквалифицированных рабочих. Запомнила хорошо одного из них: голубоглазый красивый белорус приходил рано на стройку и просил у меня рубль, как оказалось, для «подзарядки». В аптеке он покупал настойку боярышника на спирту, после чего кирпичи ложились весьма игриво. Уже через год появилась вот такая чудо-пристройка, в которой расположились стол справок, небольшой кабинет директора, комната для научных сотрудников и комната со стеллажами для научно-справочной библиотеки (описей и дел фондов). Но не передать, как мы все были рады этому событию!

Особенно радовался коллектив, что Н. Д. Коротенко со своей старенькой «Башкирией» переехала в отдельную комнату, потому что она так стучала по клавишам пишущей машинки, что у сотрудников «трещала» голова. Хорошо помню, когда из Германии нам привезли первую электрическую машинку «Оптима», Коротенко не могла привыкнуть, что к буквам надо едва прикасаться, и продолжала работать на ней, как на механической.

Не забыть, как в один из дней после нашего переселения из бывшей единственной рабочей комнаты подошёл к пристройке Ф. Ликашин, возглавлявший финансовый отдел горисполкома, кстати, мой сосед по дому на улице Берег Волги, и предупредил, что… посадит меня за незаконное её возведение. Не посадил, слава Господу, и больше у архива не появлялся, хотя с оформлением её, этой пристройки, проблем была масса.

В редакции городской газеты «Коммунист». Июнь, 1979 г.

После того как было закончено строительство, мне удалось договориться с директором городского парка присоединиться к их котельной, чтобы отопить от неё не только пристройку, но и рабочую комнату в основном здании. Правда, проблем с отоплением, с парковой котельной, которая работала на угле, была масса. Топка углём была тяжёлым испытанием. Зарплата мизерная, приходилось директору парка нанимать людей из среды безработных, пьющих, из-за чего зачастую котельная не работала, а на все мои обращения ответ был один: «Приходи и сама топи!»

И я иногда жалела, что убрала по требованию пожарных ту огромную печь, из-за которой в своё время, ещё до меня, был пожар в архиве, печь, за которую я получала бесконечные предписания в виде штрафов государственного пожарного надзора, и это при мизерной зарплате директора в 104 рубля.

В то же время, убрав печь, мы не только увеличили помещение рабочей комнаты, но и перестали получать предписания об освобождении чердачного помещения от документов.

Общими усилиями с Михаилом Георгиевичем Глыжевым, в то время директором парка, нам удалось присоединить котельную парка к котельной, работавшей на газе и обогревавшей здание, занимаемого тогда Энгельсским районным комитетом коммунистической партии. Ещё одна неприятность была устранена. Теперь мне не надо было

выслушивать предложения о том, чтобы приходить в выходные дни на подмену очередного уснувшего от выпитого алкоголя кочегара.

И много лет, встречаясь с М. Г. Глыжевым, замечательным фотографом, жителем Приволжского посёлка, на его персональных выставках в краеведческом музее, мы вспоминали то сложное время, и он меня иначе как «соседкой» не называл. (Теперь уже больше не назовёт, ковид в конце 2021 года не пощадил и его.)

Но была и ещё одна не меньшая проблема, досаждавшая мне как руководителю. Здание архива располагалось, как я уже говорила, на центральной площади Ленина, в самом сердце города. А туалета в нём не было. Сначала деревянный туалет был построен за зданием, где его трижды поджигали, а после очередного восстановления окончательно сожгли. Более того, туда опасно было ходить сотрудникам в одиночку, потому что из парка наведывались лица, от которых всё можно было ожидать. И когда мы убирали коллективом территорию своего двора, мне приходилось брать на себя уборку вокруг туалета, потому что это была самая неприятная, грязная работа, поскольку это место посещали с известными целями «посетители» парка. Тогда я наняла рабочих, и они построили маленький деревянный туалет около входа в архив.

Ничего не изменилось и в перестроечное время, в 1990-е годы, когда архив стали признавать не только в России, но и за рубежом не как филиал областного, а как бывший Центральный архив немцев Поволжья. К нам зачастили делегации из Германии и Америки. Извините, но слова из песни не выкинешь: «крупные» американки не закрывали за собой дверей, так как не умещались в туалете.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Зимой лопнула труба, доставлявшая тепло от котельной в рабочую комнату старого здания. Нашёлся спонсор, который выделил 200 Д.М. (немецких марок). Сейчас бы меня обвинили и наказали «за взятку».

Я наняла рабочих, которым эта сумма, как и мне, казалась запредельной. Они восстановили отопление в течение нескольких дней. За эту же сумму проложили канализационную трубу, выведя её в небольшую выгребную яму, вырытую здесь же ими во дворе, и устроили туалет в конце коридора пристройки. Вот это была уже победа, которая до сих пор греет мне душу.

И поныне эта труба после строительства новой пристройки обеспечивает работу двух туалетов, расширена и углублена была лишь выгребная яма. А городская канализация так до архива и не дошла. Но об этом позднее.

Летом я с чувством гордости встречала снова делегацию из США. Они выходят наготове с фотоаппаратами, а достопримечательности архивной – деревянного туалета, уже нет. Но я несколько забежала вперёд…

Надо сказать, до этой истории с туалетом в архиве необходимо было решать много ещё более важных проблем.

Я не знала истинной причины увольнения О. П. Дружининой с должности директора. Деревянные, из необработанных досок стеллажи, установленные на таких же деревянных настилах, но из тонкой доски-двадцатки, не выдерживали никакой нагрузки. Сотрудники в темноте, сначала даже со свечкой, а затем с переноской, с большим трудом снимали с полок связки с документами и, балансируя, спускались на пол, чтобы затем заниматься с документами в единственной на тот период рабочей комнате. И однажды архивно-технический сотрудник Галина Павловна Пряхина упала, повредив, как сначала думали врачи, позвоночник. К счастью, потом установили, что это был посттравматический радикулит… Досаждала директору и постоянная проблема частой смены кадров из-за весьма низкой заработной платы сотрудников.

Единственно, что мне удалось с приходом на работу сделать сразу, это возвратить положенную нам среднюю заработную плату по филиалу, которая уходила до этого в общую копилку архивной системы, но зарплата всё равно оставалась мизерной.

Вот нервная система у директора и не выдержала этих испытаний, потому, как оказалось, она и попросила М. В. Кутейникова перевести её на должность методиста, став моим заместителем. Мне, естественно, об этом не было сказано ни слова.

На этой должности методиста, фактически моего заместителя, Олимпиада Парамоновна и проработала до выхода на пенсию. Во всём, как и обещала, помогала молодому директору, была моей правой рукой. Сотрудники даже имена нам сократили, отчества зачастую меняли, но чаще звали нас просто по именам: Липа и Лиза. Когда из пристройки видели, что кто-то из нас идёт в архив, кричали в рабочую комнату: «Шухер! Лиза (или Липа) идёт».

Дело в том, что нам то поодиночке, то вместе, приходилось бывать на предприятиях – источниках комплектования архива, так называемый Список № 1, для создания и налаживания работы ведомственных архивов и делопроизводственных служб, проводить семинары, зачастую при директорах, со специалистами, работавшими с документами по внедрению системы ЕГСД (Единой государственной системы делопроизводства). Первый такой семинар мы провели со специалистами на троллейбусном заводе имени Урицкого, когда столкнулись с тем, что инженеры даже не понимали разницы между понятиями «номенклатура» и «макулатура». Да и специальных помещений под архив на предприятиях не было. В комнатке, выделенной под архив на заводе им. Урицого, работал архивист, он же – переплётчик. Ему необходима была для работы электрическая плитка, что было небезопасно для хранившихся документов.

Самым передовым, самым сильным стал со временем ведомственный архив производственного объединения «Химволокно», руководимый сначала Ниной Ивановной Арончиковой, а затем молодой её коллегой Тамарой Сергеевной Подольской. На базе этого архива мы и проводили в городе совещания-семинары.

И уже в 1968 году Соколова Людмила Леонидовна, в то время заместитель заведующего Управлением по делам архивов, предложила мне впервые выступить на архивном форуме в Казани с сообщением: «Об опыте работы филиала с ведомствами по вопросам делопроизводства и архивов». Она, Л. Л. Соколова, архивист от Бога, в какой бы должности ни работала – то директором Областного государственного архива, то заместителем заведующего в Управлении – оставила огромный след в архивной отрасли Саратовской области.

Командировка в Казань, жизнь с нею в одной гостинице, экскурсии по городу и музеям, наши беседы никогда не изгладятся из моей памяти. Она дала мне понять, что значит личность в истории. Как много мы потеряли с её безвременным уходом из жизни! Замечательный человек, настоящий друг, любящий беззаветно свою работу и людей, она боролась до последнего, но белокровие не пощадило её, не помогли ни килограммы съеденной клубники, ни другие содержащие железо препараты.

Но это снова небольшое отступление.

Чтобы изменить положение дел в хранилище, обезопасить работу сотрудников, я решила установить металлический междуэтажный настил на первом этаже архивохранилища, высота которого была 4,5 м, для чего необходимо было освободить все комнаты от документов. И снова только поддержка М. В. Кутейникова помогла осуществить этот проект. Нам предоставили места для складирования документов в Саратове в здании на улице Ленина, ныне Московской, где располагалось одно из хранилищ областного архива, куда мы на специально выделенных грузовых машинах перебазировали все связки.

Боже, какой это был труд! Маленький коллектив работал энергично, слаженно, не давая себе отдыха ни на минуту. Связки надо было все пронумеровать так, чтобы потом при возвращении не было проблем с их размещением и работой с архивными фондами в дальнейшем. И грузчиками при этом мы были сами. Только подумайте, как это было тяжело. Но коллектив надеялся, что в архиве появится перспектива улучшения не только хранения документов, но и условий для работы. Мы тогда ещё не знали, чем всё это окончится.

Мои друзья-строители нашли в Саратове подходящий металл для настила, перевезли эти пластины специальным транспортом в Энгельс, и закипела работа. С помощью специальной техники рабочим удалось установить настил, оборудовать все комнаты металлическими стеллажами, правда, библиотечными, изготовленными Саратовским заводом библиотечного и театрального оборудования. Безусловно, они не подходили для наших крупногабаритных «дел», увязанных в связки, но мы сумели приспособить их за счёт уменьшения количества полок. Таким образом, мы получили ещё один этаж для хранения документов.

Одновременно впервые в хранилище было проведено электричество и пробиты двери из рабочей комнаты, чтобы не выходить больше сотрудникам на улицу, не открывать амбарные замки и железные двери в любую погоду. Я всегда с болью смотрела, как Галина Павловна Пряхина, Нина Дмитриевна Коротенко, Таиса Андреевна Агжигитова, Таисия Александровна Анучина в морозные зимние дни выходили на улицу, отогревали эти замки в первое архивохранилище – АОР (Архив Октябрьской революции), либо во второе – Истарх, где хранились документы исторических фондов до 1917 года. А затем

надо было со связками в руках умудриться закрыть эти двери, замки, и долго отогревать замёрзшие руки в рабочей комнате, где тепла также не хватало.

Когда мы начали пробивать стены, которые оказались метровой толщины, это стало настоящим испытанием для рабочих. Но с этого момента наружные амбарные двери стали служить только в противопожарных целях.

Закончив электропроводку, проложенную в закрытых трубах, и оснастив все комнаты плафонами, лампочки в которых долгое время мне приходилось менять самой, так как в архиве не было хозяйственника, мы начали оборудовать хранилище отопительной системой, установили радиаторы. Но тут случилось непоправимое…

В конце августа 1974 года в одном из зданий-архивохранилищ областного государственного архива что на Комсомольской улице в Саратове, случился пожар. Мальчики забрались на чердачное помещение и разожгли там костёр. Мало того, что погибла бо́льшая часть ценнейших исторических документов, двое пожарных поплатились жизнью за чью-то беспечность. В эту же ночь Би-би-си и ряд других зарубежных радиостанций сообщили: «В Саратове сгорел один из крупнейших архивов».

Это страшное событие негативно отразилось на окончании реконструкции Энгельсского архива, даже мечтать уже об отоплении хранилища не приходилось.

Меня через некоторое время после этого бедствия вызвали в Управление, чтобы возвратить наши документы в архив. Облисполком выделил грузовые машины, только некоторые из них были покрыты брезентом, дали мальчиков – учащихся речного училища, и мы начали погрузку архивных связок. Юноши, встав цепочкой, передавали их из рук в руки. Я металась между ними и кричала, чтобы они, играючи, не бросали, не швыряли документы: «Ребята, это же раритеты!» Но куда там, они естественно не понимали, им надо было быстрее закончить работу. Добавил проблем и ветер на мосту, который поднимал даже брезент и «унёс» несколько лёгких связок, которые затем передали нам работники соответствующих служб.

Так мы в срочном порядке возвратили в архив документы, при этом, как оказалось, всё же не обошлось и без небольших утрат, многие ярлыки также были утрачены. Складировали связки в рабочих комнатах до потолка, а затем заново своим маленьким женским коллективом разбирали их по номерам фондов, по связкам, устанавливали на стеллажи. Закончив этот огромный труд, взялись за составление топографических указателей.

Директор не выдержала такой нагрузки и 10 октября 1974 года, после неоднократных вызовов мне на работу скорой медицинской помощи, за два дня до своего 40-летия я была госпитализирована во вторую городскую больницу со стенокардией напряжения. Мест в палате не оказалось, и меня положили в коридоре. Так бы я и лежала там без помощи и внимания, если бы работники горисполкома не стали меня искать, чтобы поздравить с юбилеем. Домой была выписана только в декабре, перед новым 1975 годом, а на работу вышла в середине января.

К сожалению, пожар сказался и на руководителе Управления по делам архивов Правительства Саратовской области: нашли «виновного». М. В. Кутейникова уволили, а нашему архиву до самого начала 1990-х годов никаких средств на капитальный ремонт новые руководители больше не выделяли, хотя к этому времени железная кровля – крыша архива, пришла в полную негодность, протекала и срочно требовала замены.

А ведь на чердаке, на тех же неприспособленных книжных стеллажах хранились самые ценные исторические фонды, огромные фолианты, тяжесть которых не позволяла их разместить на нижних этажах. Я до сих пор не могу забыть, как меня в этом обвиняли работники областного архива во главе с их директором кандидатом исторических наук А. В. Воронежцевым, который за всё время работы так и не удосужился даже побывать в нашем архиве. Тогда я вспомнила слова одного из сатириков: «Единственно, что можно заработать честным трудом, это неприятности». И этих неприятностей мне хватило с лихвой и в дальнейшем. Упомяну лишь об одной из них: меня как исследователя Воронежцев не допускал к работе в читальном зале областного архива долгие годы, то же делала и его последователь.

Но зато я много лет имела возможность заниматься исследовательской работой в читальном зале Центра документации новейшей истории Саратовской области, где меня принимали и директора (В. Я. Лобанов и А. А. Герасимов), и их постоянный заместитель, архивист от Бога С. М. Соломатина.

Не забыть мне, какие стихотворные строки посвятил А. А. Герасимов к моему 40-летию работы в архиве, которые, естественно, я дам в сокращении:

...Наверное, представить ты не можешь,
Что значит сорок лет руководить,
Вынашивать, выхаживать и всё же
Создать, поднять и сделать «свой» архив!

...Почётный гражданин родного города,
Почётный архивист известна тем,
Что с Волги до Германии проторена
Дорога по решению проблем.

...И в Геттингенском центре ждут послания
О новых книгах, сборниках, статьях...
Вот, видишь, знают там, в самой Германии,
О добрых замечательных делах!

Я уже ранее говорила, что директора филиалов подчинялись непосредственно Управлению по делам архивов, но методически мы работали под руководством областного архива, которое директор, естественно, не осуществлял, полностью передав руководство методическому кабинету. И в этом плане нам повезло. Методическим кабинетом руководили замечательные специалисты и, главное, хорошие люди, которых я вспоминаю с большой благодарностью. Чего стоит рассказать только хотя бы об одной из них – Юлии Александровне Купцовой! Под её непосредственным руководством и при помощи сотрудников методического кабинета нам удалось составить описи на множество неописанных документов, ряд описей усовершенствовать и создать к ним хороший научно-справочный аппарат, довольно полные предисловия, исторические справки, списки сокращённых слов. И этот факт подтвердила проверка, которую провели историки-архивисты под руководством директора Московского Государственного исторического архива Мироненко.

Вы уже поняли, дорогие мои читатели, что директор в архиве занималась не только хозяйственными делами и работой с учреждениями и организациями. В 1972 году я окончила годичные заочные курсы при ВНИИДАД (Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела). До сих пор смешно вспоминать, что я обиделась на экзаменаторов за две «четвёрки» по ЕГСД. Дело в том, что эту систему я изучила сразу, как только она была опубликована, и проводила семинары в своём городе по её внедрению в практику работы учреждений, а им показалось, что мною материал был списан или подсмотрен. Более того, им же не было известно, что мы занимали призовые места в области по внедрению этой системы в делопроизводство организаций, побеждали в смотрах-конкурсах, о чём свидетельствуют дипломы и грамоты областного уровня. Не буду приводить слова, которые при этом сказали экзаменаторы, не хочу обижать специалистов высокого уровня...

С помощью моего бессменного заместителя, методиста по должности О. П. Дружининой я быстро поняла, какие богатые фонды хранились в нашем архиве, осознала и приняла всем сердцем трагическую судьбу целого народа – поволжских немцев.

Я столкнулась с непостижимым для меня фактом: справки социально-правового характера немецкому населению, проживавшему в те годы в районах выселения, да уже и в других, кроме Поволжья, регионах СССР, можно было выдавать, а вот упоминать об этом национально-территориальном образовании – АССР немцев Поволжья – ни в средствах массовой информации, ни на радио – нельзя. Только представьте себе, что статью о государственной немецкой филармонии, названную мною «Какой была немецкая филармония», в редакции городской газеты «Коммунист» озаглавили: «Какой была Покровская филармония», в то время как она была открыта в 1934 году, когда город носил уже три года имя Ф. Энгельса. Безусловно, об этом изменении названия автора заранее не уведомили.

Но я не считала бы себя нормальным человеком, если бы в 1968 году не приняла у себя в архиве писателя, драматурга АССР НП Андреаса Закса. Да, я не выдала ему документы немецкой писательской организации, но показала хранилище, условия хранения документов и объяснила, почему не могу его допустить к работе. Он не только всё правильно понял, но и подарил мне свою последнюю на тот период книгу, изданную в Астра-

хани в декабре 1967 года на русском языке «Козни сатаны» с дарственной надписью. Надеюсь, что все подаренные мне издания войдут в соответствующую Опись моего личного фонда в архиве.

Такой же приём, как А. Заксу, я оказала и Виктору Хердту, но о нём позднее.

Невозможность освещать тему немцев Поволжья, но необходимость выполнения плана по использованию документов и пропаганде деятельности архива, заставила нас с методистом освещать в городской газете «Коммунист» и в районной – «Заветы Ильича», материалы о Великой Отечественной войне, о послевоенном строительстве. Табу касалось не только немцев, но и религиозной темы – истории православных храмов, не говоря уже о церквях, костёлах евангелическо-лютеранских и римско-католических вероисповеданий…

Никто директору не мог помочь в хозяйственных вопросах, связанных с проблемами в освещении, отоплении, водоснабжении здания, о чём я упомянула выше. Только когда я приняла на работу очередную уборщицу Анну Алексеевну Алексенко, ей в помощь стал приходить друг – Виктор (Виталий) Николаевич Красовский. Постепенно он заменил мне в архиве и электрика, и слесаря, и через некоторое время я приняла его на должность архивно-технического сотрудника. И до сих пор он остаётся самым востребованным в этом плане работником в архиве.

Когда же удалось оборудовать здание архива пожарно-охранной сигнализацией, которая была весьма примитивной и постоянно срабатывала, из-за чего зачастую среди ночи и по выходным мне приходилось выезжать на свой объект на машине милиции или идти пешком, вскрывать его и часами ожидать техника для исправления поломки, мне стало легче. Кстати, архивно-технический сотрудник В. Н. Красовский не мог мне помочь, так как не имел права самостоятельно открывать архив. Позднее ряд сотрудников получили допуск.

Да, совсем забыла о случившемся в архиве происшествии, после которого можно было попасть и за решётку. Когда мы устанавливали металлические стеллажи, никто и не думал их скреплять между собой, ставили как в библиотеках, не учитывая, что у нас на них будут стоять не книги, а довольно-таки тяжёлые связки. До сих пор не ясно, что сотрясло здание архива, сотрудники слышали только какой-то гул, говорят, что пролетали над Энгельсом тяжёлые бомбардировщики. Кто знает, что произошло на самом деле, но от этого гула и тряски в одной из комнат на втором этаже стеллажи повело, они наклонились как раз в сторону трёх сотрудников, которые, на моё счастье, сумели выбежать из комнаты. Я в это время была по делам в горисполкоме. До сих пор вспоминаю об этом с ужасом, тем более, что среди этих сотрудников была и Галина Павловна Пряхина, уже пережившая ранее травму.

Тогда впервые в жизни мне довелось испытать и предательство одной из сотрудниц, Г. А. Васильковой, которую я приняла на работу. Она договорилась с председателем Горкома профсоюза (его фамилию даже не хочу называть), поехали в Обком профсоюза, чтобы обвинить меня в случившемся и назначить её на моё место директором. Я узнала об этом факте позднее, когда приехала специальная комиссия, которая быстро разобралась в ситуации. Мне выделили средства и рабочих на укрепление стеллажей. Инцидент был исчерпан. Было приятно, что спустя много лет Г. А. Василькова повинилась и попросила прощения. Естественно, я её простила.

Но сколько бы проблем не было в архиве в то, «доперестроечное» советское время, были и радостные моменты в жизни. В свои очередные отпуска я не один раз в качестве руководителя туристической группы побывала в Белоруссии (Минске), в Молдавии (Кишинёве), на Украине, в Закавказье. Отдыхала и лечилась по профсоюзным путёвкам в санаториях Прибалтики (в Юрмале, где мне посчастливилось дважды в Домском соборе Риги слушать лучших органистов мира). И в санаториях Сочи, Геленджика, Калининграда довелось побывать. При этом я не пропускала ни одной экскурсии. После таких поездок с новыми силами принималась за дела. О своих впечатлениях от увиденного обязательно рассказывала коллективу, привозила им небольшие подарочки просто как знак внимания.

Но возвратимся к делам архивным.

Направлений в работе филиалов областного архива было не мало. Управление по делам архивов добавило новое: приказом начальника Управления нам было поручено оказывать помощь в работе районным государственным архивам, которые были поделены между филиалами областного архива как зоны их комплектования. В зону комплекто-

вания Энгельсского вошли районы бывшей Республики немцев Поволжья: Энгельсский, Марксовский, Советский, Ровенский, Краснокутский в Левобережье и на правой стороне Волги – Красноармейский.

Никакой штатной единицы для проведения этой работы не было выделено. Пришлось мне взять на себя и эту дополнительную нагрузку. Командировки в каждый из этих архивов отнимали немало времени. В Ровенском районе к тому же пришлось побывать не однажды, оказывая там, как и заведующим остальными районными архивами на местах, не только методическую, но и практическую помощь в работе.

При Энгельсском архиве мы создали хозрасчётную группу по обработке документов организаций, колхозов, совхозов районного звена, куда перевели на работу двух своих сотрудников – Т. А. Агжигитову и Г. П. Пряхину. Хозрасчётная группа затем вошла в состав районного архива. Далее мы оказали помощь горисполкому в создании ведомственного архива. И теперь оба эти архива объединены в Муниципальный архив Энгельсского района.

С декабря 1979 года в архиве стало легче работать. Был увеличен штат сотрудников, пришли историки, музейные работники Н. Е. Гундарова, Г. Г. Дрозденко, Р. В. Ларюкова, Т. И. Солдатова. Эти специалисты и стали основной силой при описании архивных фондов Немецкой республики – ЦИКа, Совнаркома, Верховного Совета, целого ряда крупных наркоматов и других. Предисловия, исторические справки к ним позволили в дальнейшем архивистам создать Путеводитель по фондам, о котором я как директор в то время могла лишь мечтать. Мы хотели также начать работу по переработке и усовершенствованию фондов исторических – до 1917 года, но нам руководство архивной отрасли не разрешило приступить к этой работе. Объяснили это тем, что у нас нет специалистов, кроме того, появилась даже идея передать исторические фонды на федеральный уровень. Об этом теперь уже мало кто помнит.

Мы же продолжили работу по переработке и усовершенствованию описей советского периода, директор тоже, естественно, занималась этой же работой. Мысль о создании Справочника или Путеводителя по фондам не оставляла меня. А пока приходилось в выступлениях на конференциях в Германии и Америке повествовать лишь кратко о хранящемся документальном богатстве, и в этом мне оказывали неоценимую помощь названные выше научные сотрудники. О вкладе в общую копилку каждой из них я могла бы рассказывать часами.

Пополнила штат архива и историк-архивист С. А. Гоцко, которую в 17 лет я приняла на временную работу и помогла поступить на заочное отделение в Московский историко-архивный институт, на дневное отделение которого она не прошла по конкурсу. Восстановилась она на очном отделении на третьем курсе, после окончания вуза успела поработать методистом в Самарском областном государственном архиве, затем – в Саратовском, откуда мне и предложили перевести её на работу к нам. И в настоящее время она продолжает работу в Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе в должности главного хранителя фондов – фактически, заместителя директора.

Так мы работали до самой середины 1980-х годов. К этому времени архив уже имел в городе довольно неплохой авторитет. Мы наладили связь не только с организациями, предприятиями, с краеведческим музеем, библиотеками и другими учреждениями культуры, но и с организациями народного образования. Приглашали школьников в архив на экскурсии, проводили в школах уроки по краеведению, принимали гостей из других архивов, из других областей. Но немцев в архив по-прежнему допускать запрещалось.

И вот приехал Виктор Хердт, потомственный поволжский немец, из Москвы. И снова, приняв его, мне пришлось извиняться за политику родного государства, за то, что не имею права допустить его к работе над документами немецких фондов. Он, работник немецкой газеты в Москве «Нойес Лебен», позднее, по приглашению доктора Айсфельда, исполнительного директора Института германских и восточноевропейских исследований, переехал на работу и на постоянное место жительства в Германию. В Гёттингенском институте, ставшим в последние годы филиалом Норд-Ост-института, он работал научным сотрудником до выхода на пенсию. И это не удивительно, ведь ещё в советское время он окончил Лейпцигский университет, где познакомился со своей будущей женой, тоже студенткой университета. Вот таких двух специалистов потеряла наша страна. Да и только ли их…

После перестройки Виктор Хердт стал нашим консультантом, помощником в обработке архивных фондов, в переводах текстов документов с немецкого готического шрифта на русский язык.

На все наши просьбы к руководству отрасли ввести в штат архива переводчика, не говоря уже о реставраторе, мы получали отказ. Единственно, что удалось сделать, временно на должность архивно-технического сотрудника принять М. Н. Пестова, который некоторые описи и отдельные документы перевёл на русский язык.

Рада, что через много лет удалось нынешнему директору Е. П. Каштановой получить ставку переводчика, и теперь в архиве нет проблемы перевода документов с немецкого языка на русский. Пополнился и штат архива, так что теперь быстрее пойдёт работа не только по переводу текстов с немецкого языка на русский, но и по переработке исторических фондов и усовершенствованию описей к ним.

В 80-е годы произошёл интересный случай в моей работе. Пришла ко мне профсоюзный работник из Приволжского посёлка, кажется, она работала на Мясокомбинате, и попросила, чтобы я показала архивохранилища, рассказала, как и чем занимается коллектив. Я показала, с удовольствием рассказала, а лишь потом спросила, какова цель её прихода. Она без обиняков призналась, что её прислали из горкома партии и предложили стать... директором. Узнав мой штат, зарплату, она ушла молча. И больше я её не видела. Об этом не стоило бы и вспоминать, но необходимо отметить, что в архиве были очень низкие зарплаты, потому там работали только энтузиасты, любящие своё дело. Для того, чтобы жить, содержать семью, мне, к примеру, пришлось долгие годы каждую субботу в учебное время и по вечерам в среду давать уроки во вспомогательной школе № 6, а в своём кооперативе на дачном участке работать казначеем.

И потому так обидно было где-то слышать, что я живу на немецкие деньги, взятки беру. Об одной «взятке» в 200 ДМ я уже рассказала. И ещё одну «взятку» действительно получила... Как-то уже в то время, когда советские, российские немцы массово уезжали из страны в Германию, ко мне в кабинет вошёл совершенно не знакомый мне мужчина. Он сказал, что уезжает из страны и по поручению немцев из Сибири должен передать мне подарок за моё отношение к сохранению их документов. Естественно, я категорически возражала. Он сказал мне, что его подарок ничего не стоит, он ювелир, и этот маленький крестик пусть оберегает меня, и ушёл, оставив на моём столе малюсенькое, по сию пору оберегающее меня чудо. Я рассказала об этом отцу Александру, он освятил крестик, я купила цепочку и с тех далёких лет никогда не снимаю его...

Новый этап в архиве пришёлся на период так называемой перестройки, когда были открыты все немецкие фонды, к которым стали проявлять интерес зарубежные историки. Но случилось это не вдруг и не сразу.

Моё исследование по истории фотографии, хранящейся в архиве, где В. И. Ленин ведёт заседание Совета Народных Комиссаров, после которого он подписал декрет «О немецких колониях Поволжья» в 1918 году, местная газета отказывалась публиковать даже в 1986 году, хотя о Республике немцев Поволжья в стране заговорили уже во весь голос.

По чистому совпадению, 5 ноября 1988 года, в один день в газете «Правда» с материалами об одном из героев Республики был дан и мой очерк в энгельсской городской газете «Коммунист».

Рядом с бесценными документами.

В мае 1989 года в архиве работала комиссия из Главного архивного управления РСФСР, они должны были дать рекомендации по открытию и использованию для граждан немецких фондов. Но официального документа мы так и не получили. Как не получили и разрешения начать обработку исторических фондов до 1917 года. Об этом чуть выше я уже писала.

Это добавило в дальнейшем работы сотрудникам архива, когда они выиграли грант и приступили к подготовке Справочника к изданию. И в чём я сегодня обвиняю себя как директора, мне необходимо было потребовать письменные документы как о разрешении открытия немецких фондов, так и о запрете начать работу с дореволюционными фондами. Но я не сомневаюсь, что в документах Управления по

делам архивов области, ныне уже поступивших в их ведомственный архив, они сохранились. Тем более, что краткую выписку об открытии немецких фондов для использования Управление нам присылало.

Когда в Саратове было открыто Генеральное Консульство Германии, оно, не без наших усилий, обратило внимание на энгельсский архив. Наш коллектив стремился показать значимость хранившихся в нём документальных материалов, богатство его фондов, раскрывающих историю немцев Поволжья со времени переселения иностранцев на волжские берега из различных государств Европы в XVIII веке и до выселения в 1941 году.

Именно тогда и зародилась у меня мечта, которая сложилась из трёх пунктов. Первым делом – улучшить условия хранения документов за счёт строительства современного архивохранилища с помощью средств Германии. Во-вторых, вернуть ему былую самостоятельность как бывшему Центральному архиву АССР НП, и последнее – возвратить в альма-матер все неправомерно переданные в 1950-е годы наши архивные фонды из Волгоградского и Саратовского областных государственных архивов. Ведь часть документов, к примеру, отдельных фондов до сих пор хранятся у нас, часть – в Саратовском областном государственном архиве, не говоря уже о Волгоградском архиве, что, безусловно, затрудняет работу пользователей.

Не всё из задуманного удалось сделать, первые же две мечты сбылись. Но через что пришлось нам пройти – не передать.

Начало работе по пропаганде архивных фондов было положено мною выступлением в 1989 году на первом Форуме советских немцев в Алма-Ате (ныне Алматы, Казахстан), куда меня, беспартийную, направил не кто-нибудь, а сам Областной комитет партии. Вы бы слышали, как удивились в Энгельсском горкоме КПСС, когда узнали, что меня приглашают в Обком, но я-то и сама в тот момент понятия не имела, зачем.

Когда подошла к зданию, в котором располагались Облисполком и Обком партии, сердце билось неспокойно. И это не потому, что не совсем было понятно, зачем меня вызвали, а потому, что ранее я здесь бывала по долгу своей службы в качестве секретаря областной комиссии по делам несовершеннолетних, хотя постоянное моё рабочее место находилось совсем рядом, в здании на углу улиц Советской и Чапаева, в ОблОНО. В одном только не сомневалась, что вызов связан с проблемами немцев Поволжья, так как уже ранее получала задание найти в архивах сведения о «вражеском десанте», который якобы имел место в Поволжье на территории Республики немцев Поволжья в начале войны, когда немецкое население «прятало в погребах фашистов, чтобы не выдать властям». Такое поручение дано было Обкомом партии не только мне, но и работникам областного и партийного архивов. Естественно, таких документов в нашем архиве и быть не могло, тем более, что эти, так называемые «факты» не имели места в нашей истории, что подтвердили впоследствии и маститые российские историки.

Обком партии обеспечил меня билетами на самолёт через Самару. Более всего удивило, что встречали меня в аэропорту Алма-Аты как высокого гостя. Разместили в шикарном двухместном номере гостиницы Обкома партии с доктором исторических наук, профессором Валентиной Георгиевной Чеботарёвой, директором Института Марксизма-Ленинизма. Она прилетела из Москвы уже глубокой ночью.

Оказалось, не столь много знала она на тот момент о поволжских немцах, мы проговорили с ней всю ночь. И как она мне позднее сказала, именно я «заразила» её этой темой, которой она вместе с господином Ауманом позднее и занималась.

С их трудами знакомы многие историки, учёные, немцы бывшего СССР, России. И первый сборник «История российских немцев в документах (1763-1992)» В. А. Ауман и В. Г. Чеботарёва издали с помощью директора и сотрудников Энгельсского архива, правда, ссылки были сделаны только на наши фонды. На память мне был подарен лишь один экземпляр книги с дарственной надписью: «Другу историков…».

Утром в гостинице нам подали мой любимый зелёный чай со сливками, к которому я пристрастилась ещё работая в дошкольном педагогическом училище в Чите, и повели в здание Республиканского театра.

Зал был полон. Впервые я выступала перед такой огромной аудиторией, и впервые говорила о том, что архивы по истории заселения поволжских земель иностранцами по манифестам российской императрицы Екатерины II, а также по истории создания и деятельности немецкой автономии за 1918-1941 годы сохранены, не уничтожены. После этих моих слов, и о том, что рукописи Я. Дитца «История поволжских немцев-ко-

лонистов» и других учёных, таких как А. Лонзингер, А. Шнайдер, также сохранились, и их можно и должно публиковать, зал встал и рукоплескал, слышались даже рыдания людей. Можно ли забыть такое!

Там, в Алма-Ате, мне посчастливилось познакомиться с удивительно талантливым человеком: Герольд Карлович Бельгер, писатель, эссеист, переводчик, общественный деятель, советник президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Оказалось, что Герольд Карлович родился в Энгельсе, в столице АССР НП в 1934 году. Семья была выслана в Казахстан, как и тысячи других немцев, в 1941 году по известному указу.

Именно там этот мальчик состоялся как маститый писатель, владевший в совершенстве тремя языками – русским, немецким и казахским. Его речь на Форуме просто поразила не только содержанием: он говорил по-русски, тут же переходил на немецкий, затем сказанное переводил и на казахский язык. И это было так мастерски, литературно красиво, образно, что зал ему также рукоплескал стоя. С этого времени и началась наша дружба.

Горжусь, что моё творчество удостоилось внимания такой личности. Его критические статьи на «Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге» (Саратов, 1995) и «Под Покровом Богородицы» (Приволжское книжное издательство, т. 1, 2003) были в своё время опубликованы в периодической печати Алма-Аты, а в 2007 году автор включил их в книгу своих рецензий «Постфактум». А его письма и книги с дарственными надписями, надеюсь, навечно войдут в мой личный фонд в Энгельсском архиве.

После выступления в Алма-Ате, а затем в Москве, в тот же год, на конференции, организованной В. Г. Чеботарёвой, меня стали приглашать на все съезды, конференции, посвящённые советским, а затем и российским немцам, на которых мы организовывали документальные выставки, подготавливали обзоры документов архива. Именно в этот период мне посчастливилось познакомиться со многими писателями, общественными деятелями немецкого движения за реабилитацию народа. Назову хотя бы одного из них – Гуго Густавович Вормсбехер. Ему первому была сделана нами попытка составить родословное древо семьи.

Обидно, что не состоялась первая моя поездка в 1989 году на конференцию по проблемам российских немцев в Германию (Кассель) вместе с великим российским учёным-литературоведом, общественным деятелем, почётным доктором Оксфордского, Эдинбургского и других зарубежных университетов Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым – человека, под руководством которого мы работали во всех регионах страны в рамках Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры. Не забыть, что эта великая личность не избежала в 1938 году заключения в Соловецком лагере… Так вот, моя поездка с ним не состоялась только потому, что у меня не было загранпаспорта, а времени на его получение не хватало.

Но вот как не просто доставалось мне участие в работе съездов немцев бывшего СССР в нашей стране, приведу только один пример.

Перед одной из таких поездок на съезд в Москву пришёл в наш архив из органов господин Оль. Он выпроводил Н. Д. Коротенко из стола справок, посадил меня на её рабочее место, и весь этот день и следующий задавал мне один и тот же вопрос: зачем и с какой целью я еду на съезд, о чём я буду там говорить.

Как я выдержала, не знаю, помню только, как «на цыпочках», тихо ходил мой коллектив. Я сразу вспомнила, что пережила в 10-м классе: когда на уроке физики упал со стены портрет Сталина, забрали на три дня В. И. Липатова, нашего учителя, а меня расспрашивали о нём, так как я была староста класса. Это происходило в средней школе № 3 рабочего посёлка Красный Кут Саратовской области. Василий Иванович Липатов, фронтовик, раненый, без сознания, попал в плен. По возвращении в родную страну отсидел в сталинских лагерях…

Самое удивительное, что затем, уже в перестроечные годы, господин Оль вдруг оказался «лицом немецкого происхождения» и даже приходил ко мне в архив, но понял, что разговора не получится. Знаю, что в Энгельсском районе он стал одним из предпринимателей по выпуску немецких колбас…

Я уже не хочу вспоминать, что до перестройки была не выездная. Но в те годы это меня не печалило, не беспокоило, потому что средств на поездку за границу у меня всё равно никогда не было, да я туда и не стремилась.

Несмотря ни на что, я продолжала неоднократно выступать на всех конференциях, съездах перед огромной аудиторией с одной целью – привлечь внимание к нуждам

нашего архива. В начале 1990-х годов это было сложно, проблематично и в другом плане. Шло тяжёлое противостояние тех, кто поддерживал идею восстановления автономии на Волге, и тех, кто был категорически против её восстановления, запугивая население «немецким засильем».

В этом плане доставалось не только А. Г. Карлу, который, кстати, не ратовал за восстановление автономии. Он создал в городе Энгельсе общество советских немцев «Возрождение», первые центры немецкой культуры в городе и в сёлах Энгельсского и нескольких других районов. Создание этих центров должно было, по его мнению, не дать возможности выезда немецкого населения из страны, помочь им в изучении родного языка и культуры – всего, чего они лишились за годы депортации.

Через общество «Знание» мы выступали с ним перед аудиториями самого различного толка, в воинских частях. У каждого из нас была своя цель: его, Карла, донести до населения правду об истории поволжских немцев в стране, показать, что они подданные своей страны, что они не были предателями родины, не вступали в сговор с фашистами; моя же цель была совершенно иной. Я говорила о том, что архивисты не занимаются вопросами политики, хотя понимают, что немецкое население явилось заложником политики двух государств – Германии и России. И задача архивистов состоит в том, чтобы сохранить документальное богатство этого уникального этноса. Большинство населения нас слышало и понимало. Но часть радикально настроенных, подогреваемых преподавателем энгельсского «политеха» В. И. Надеждиным и созданным им обществом, возмущала население и поднимала людей на выступления с абсурдными антинемецкими лозунгами, которые я даже не хочу здесь приводить. Более того, в его, Карла, и в мой адрес звучали откровенные угрозы, обещания расправы с нами как при личных встречах, так и по телефону. Вспоминать страшно и неприятно.

Особенно негативно команда Надеждина приняла мою статью «Почему Покровск стал столицей области немцев Поволжья». Она была опубликована в энгельсской газете «Наше слово», в материалах конференции Энгельсского краеведческого музея и в газете «Нойес Лебен» (№ 2, 1992). Один из поволжских немцев, господин Райсих, писал мне: «Прочитал статью на одном дыхании. В ней хорошо освещён путь нашей бывшей и безнадёжно потерянной АССР НП».

После этой статьи я продолжила исследовательскую работу. Но над документами, как и раньше, вернее бы сказать, как и всегда, приходилось работать только в обеденный перерыв и полтора-два часа после работы, пока уборщица мыла полы. Писать же – только ночью.

В 1995 году я стала членом Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Мы её создали на второй Анапинской конференции (первая проходила в 1994 году). Ежегодно на Анапинских, позднее Московских, конференциях я выступала с сообщениями по истории и культуре поволжских немцев, все они опубликованы в соответствующих сборниках, которые описаны в моём личном фонде в архиве и доступны каждому исследователю в его читальном зале.

В 1995 году я впервые выступала на Гёттингенской научной конференции (Германия) с обзором документального богатства энгельсского архива. Думала, что опозорилась, когда услышала, как участники конференции после окончания доклада стали стучать по столам кулаками. Откуда мне было знать, что здесь это и есть аплодисменты.

А в 1998 году, тоже впервые, стала почётным гостем Форума Американского исторического общества немцев из России, посвящённого 30-летию его создания. Тогда мои сообщения были опубликованы в Журнале общества: первое – «Архивы бывшей Автономии немцев Поволжья в г. Энгельсе – золотой источник по истории, генеалогии и культуре немцев Поволжья. 1764-1941 гг.» и второе – «Обычаи поволжских немцев».

Писала я и о деятельности архива по краеведению, о сотрудничестве с зарубежными организациями по вопросам использования документов, о работе читального зала, что дало возможность ознакомиться учёным мира и потомкам поволжских немцев, разбросанным по всему миру от Германии до ЮАР, от Европы до обеих Америк, с документальным наследством их предков. Впоследствии ещё ряд моих очерков был также переведён на английский язык и опубликован в Журнале Американского исторического общества немцев из России.

Наверное, не лишним будет вспомнить, что немало аспирантов разных вузов, работников Энгельсского краеведческого музея, таких, к примеру, как Наталья Малова и Ольга Карпова, именно на моих работах сумели получить второе высшее образование, ряд

студентов исторического факультета СГУ защитили свои дипломные работы на моих материалах по истории архива.

Но, наверное, необходимо рассказать и о той моей придумке, благодаря которой тысячи немцев, высланных из Поволжского региона, сумели получить компенсацию за утраченное имущество от государства, пусть и не большую (100 тысяч рублей за недвижимое и движимое имущество и 60 тысяч – за движимое). Дело в том, что при эвакуации сельские советы и райисполкомы обязаны были переселенцам выдать справки о том имуществе, которое они оставляли в связи с вынужденным отъездом. Но далеко не все получили такие справки, а многие их просто не сохранили. Я решила, что наш архив, в который немцы стали постоянно обращаться за подтверждением факта утраченного имущества, имеет право выдавать справку об отсутствии таких документов. И сделала приписку в конце о том, что справка дана для обращения в суд. Естественно, справка была заверена гербовой печатью архива. И она заработала! Хвала нашим судам сначала на волжской земле, а затем и судам по месту жительства переселенцев. Они принимали решения о необходимости выплат государства за утраченное имущество лицам, которые подверглись насильственному переселению. Позднее мы выдавали такие справки даже тем из немцев, кто выехал из России и республик бывшего СССР, получивших самостоятельность после развала Советского Союза, на постоянное место жительства в Германию.

В Энгельсе мы такие вопросы сначала рассматривали на заседаниях городской комиссии по реабилитации граждан, членом которой я также являлась. К моменту моего ухода с поста директора таких обращений было уже не так много. Но как только пришла на работу директором архива И. С. Дичкова, она тут же запретила выдавать такого рода справки как не имеющие юридической силы.

С тех далёких лет и по сегодняшний день я продолжаю работать как исследователь, пользователь архивных документов многих государственных архивов по немецкой проблематике и по истории края, его людей, независимо от национальности. Работа в архиве дала мне уникальную возможность познакомиться со многими замечательными людьми, дружить с ними.

Назову только народного художника страны А. А. Мыльникова (внук Н. А. Ухина), по просьбе которого я занялась изучением истории его семьи, для чего пришлось работать во многих и со многими государственными архивами страны.

Участвовала в работе и выступала с докладами, сообщениями на научных и краеведческих конференциях в Москве, Саратове, Самаре, Сарепте (Волгоград), Ульяновске, Оренбурге, Томске, Казани, на Украине, в Молдавии… Пишу и сегодня о неординарных событиях и судьбах людей, прошедших тяжёлую школу суровой и, зачастую, нелицеприятной действительности.

Но возвратимся к хозяйственным, директорским делам и проблемам.

К середине 1980-х годов крыша архива пришла в полную негодность, при малейшем дожде протекала. Каких трудов нам стоило спасать исторические документы, а их было 60 тысяч, переставляя связки, подставляя тазы, собирая воду, – не передать. И вот тут сыграла роль наша пропаганда. Генеральное консульство Германии прислало к нам Д. Лотора, независимого немецкого журналиста, собственного корреспондента газеты «Дойче Цайтунг» в Санкт-Петербурге. Он побывал в здании архива, на чердаке, сделал фотографии и опубликовал статьи о наших проблемах в немецких газетах. В результате мы получили средства и перекрыли кровлю.

И только после этого я смогла допустить к работе, прямо на чердачном помещении у дверцы с выходом на небольшой металлический балкон с противопожарной лестницей, которые мне удалось установить, Сергея Терёхина, в будущем архитектора, доктора наук, профессора, автора книг, в том числе и по немецкой архитектуре, к нашим документам. В то время он учился в Москве и писал: «Помните, Вы мне обещали поставить стол на чердаке, прямо в хранилище у окна (это была небольшая дверь), и я буду сидеть хоть целыми днями? Мечтаю об этом в сумасшедшей Москве. Я очень обстоятельно занялся поволжскими немцами, их архитектурой».

Там, работая на чердаке, он и стал впоследствии исследователем, первооткрывателем интереснейшего архивного фонда карт, планшетов, которые, к слову, требуют реставрации. Но эта реставрация не может быть осуществлена без хорошо оснащённой лаборатории. Они, эти документы, могли бы внести неоценимый вклад в дальнейшее изучение истории всего региона.

К слову сказать, Сергей Терёхин, доктор наук, автор многих книг по немецкой архитектуре в Поволжье, уже много лет живёт и работает в Германии.

Благодаря Консульству и работникам YDA, при содействии общественных организаций поволжских немцев нам удалось получить пусть и не новые, первые компьютеры, копировальный аппарат, электроплитку для подогрева пищи сотрудникам, писчую бумагу – всего не перечислить.

Мы считаем, что помощь мы получили, прежде всего, благодаря нашим активным действиям по популяризации архивных документов. Мы работали в тесном контакте с неправительственными общественными организациями немцев, созданными в Поволжье, России и Германии, с немецкими культурными центрами.

Нельзя не отметить, что в Интернете было создано Общество друзей Энгельсского архива энтузиастами из нескольких стран. Это Вера Белякова-Миллер из ЮАР (Йоханнесбург), Герхард Ланг из ФРГ (Магдебург), Кен Штутгарт из США и другие. Мы получили средства, на которые мне удалось найти реставраторов. Более ста самых ценных исторических источников были отреставрированы специалистами-реставраторами Научной библиотеки СГУ. Жаль, конечно, что половина собранных средств Обществом ушла в областной архив, который имел свою лабораторию. Но радует, что и последователи Общества друзей – «Друзья Архива Немцев Поволжья», не только оказали вновь помощь архиву, но и выразили мне признательность за «полувековое ему служение». Их обращение ко мне я опубликовала в 5-м томе исследований «Под Покровом Богородицы» в 2017 году. Приведу лишь несколько строк из их стихотворного послания:

Под Покровом Богородицы
Вы трудились столько лет.
Положив всю жизнь, как водится,
На архив – таков завет.
Едут, пишут, ищут, просят:
«Помогите нам найти!»
В этой просьбе иль вопросе
Нам ведь с Вами по пути…
На страницах Ваших книжек
Столько названо имён –
Дингес, Рау, Дитц и Вебер,
Бельгер, Шмидер и Дульзон.
Вечной истины хранитель,
Ваш архив так дорог нам.
Он – отец нам, он – ценитель.
Он на радость всем нам дан…

Как уже ранее было сказано, с Генеральным Консульством Германии в Саратове мы работали особенно тесно. Консулы посещали архив. К этим встречам мы готовили документальные выставки. При этом постоянно на этом высоком для нас уровне мы инициировали снова и снова главный вопрос – строительство нового здания архива или пристройки архивохранилища к существующему. В 2000 году архив посетил Чрезвычайный и Полномочный посол ФРГ в Российской Федерации господин Йорк Эрнест Штудниц, в 2004 – посол доктор фон Плётц.

Руководство города Энгельса поддержало нас в стремлении построить здание для архива и предложило несколько мест на выбор. Ими были разработаны и несколько проектных предложений. Но беда наших руководителей строительной отрасли и архитекторов состояла в том, что они решили за счёт немецкой стороны построить здание с архитектурными излишествами, причём весьма затратными. Так УКС (Управление капитального строительства) горисполкома разработал проект на 500 тысяч единиц хранения, для чего потребовалось бы 17 миллионов рублей, в то время как нам необходимо было хранилище не более чем на 300 тысяч единиц. Естественно, что руководство МВД Германии отказалось принять этот и другие такого же рода проектные предложения (теперь они хранятся в нашем архиве как часть его истории).

С этого времени вопрос о строительстве архива не уходил из повестки дня. В этом плане, плане популяризации работы архива, нам очень помогла и публикация в 1997 году при содействии Министерства по делам национальностей и федеративным отношени-

ям и МВД Германии рукописи Я. Дитца «История поволжских немцев-колонистов» под научной редакцией, в то время доцента, Игоря Плеве, и нашим с ним совместным предисловием к ней. Это работа, которую депутат 1-й Государственной думы, юрист, подготовил ещё к 150-летию немецких колоний на Волге. Сколько переизданий выдержала эта книга, не сосчитать. Но у каждого немца она смогла стать настольной, вызывающей гордость за достойнейшего сына своего народа.

В том же 1997 году мы опубликовали первую опись архивного фонда «Народный комиссариат просвещения АССР НП» с моим предисловием. Затем созданную с Виктором Хердтом уникальную опись «Коллекция документов по истории и культуре немцев Поволжья», опубликовали на двух языках, как и опись «Коллекция документов римско-католических церквей», составителями которой мы стали вместе с доктором исторических наук, профессором Ольгой Лиценбергер, ныне проживающей в Германии. И это далеко не полный перечень наших публикаций.

Дала свои плоды и моя придумка начать сбор документов и фотографий от поволжских немцев, проживающих в различных регионах бывшего СССР, в Германии и других странах. Как же они пополнили и продолжают пополнять наши знания и наш архив документами об этом уникальном этносе! Я уже не говорю о создании в архиве личных фондов многих интереснейших личностей. Этой работой я занялась ещё в советский период.

В результате совместной нашей работы со всеми общественными неправительственными организациями российских немцев, с Генеральным консульством Германии в Саратове, правительством Саратовской области, членами Международного Союза немецкой культуры нам удалось внести Энгельсский архив в долгосрочную Президентскую программу развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы.

В ноябре 2001 года я удостоилась чести быть приглашённой в Германию по линии Германской службы академических обменов (ДААД), где Министерством внутренних дел были проведены «круглые столы» в Бонне и Берлине, на которых присутствовали руководители не только МВД, но и Немецкого общества по техническому сотрудничеству, другие заинтересованные лица. Отлично помню господ Вилленберга, Янсона, Витшена, Вагнера, Неер и других. Ими было принято решение о необходимости строительства здания архивохранилища в Энгельсе. Более того, отдел культуры МВД пообещал после окончания строительства выделить средства в сумме 35 тысяч евро на приобретение необходимого оборудования.

Я ещё не остановилась на том, каким было это путешествие. На «попутном» автобусе, на котором я поехала благодаря моему соавтору, кандидату филологических наук, руководителю одной из турфирм Владимиру Маныкину, меня высадили в аэропорту Бонна, но там меня никто не встретил. Я со своим совершенно забытым немецким сумела всё же добраться до Берлина. Устроилась (это была суббота) в частном отеле, так как не знала, в какой гостинице меня должны были поселить. Не передать, как я общалась с хозяйкой, которая вообще не знала русского, как мы не только нашли общий язык, но и долгие годы затем переписывались. А в это время пригласившая меня сторона была в панике: потеряли гостя из России! В понедельник с самого утра – нашли, увезли в гостиницу, в приготовленный номер…

После «круглого стола» началось моё незабываемое путешествие по городам Германии с ежедневными остановками в университетах Гёттингена и Эссена. Состоялись встречи с их руководителями, с господином Айсфельдом, с одним из моих соавторов, составителем книги «Пословицы и поговорки немцев Поволжья» профессором Эссенского университета господином Робертом Бауром, который в России называл себя Робертом Сергеевичем на русский манер. Предоставили переводчика Татьяну, она сопровождала меня в поездке. Встречи в ресторанах во время обедов, в университетах, в музеях оставили неизгладимое впечатление. Не испортило его даже незаслуженное обвинение доктора Альфреда Айсфельда, что я не организовала в архиве лабораторию. А как можно было её создать, не имея даже отдельной комнаты? (После ввода в эксплуатацию всего объекта комната для лаборатории теперь имеется, но нет специального оборудования; нет сегодня и реставрационной мастерской в архиве.) Но более всего в этой поездке впечатлило меня посещение Потсдама!..

А затем, как уже было сказано, в Берлине состоялся заключительный «круглый стол», после него я уехала домой воодушевлённая, окрылённая.

Но шли годы, а обещанного выделения средств не было. Теперь уже к решению

нашей проблемы подключился и начальник Управления по делам архивов Правительства Саратовской области Виктор Афанасьевич Родионов. Он обратился с письмом в Совместную Межведомственную Комиссию России и Германии по решению проблем российских немцев. Мне он посоветовал, пользуясь личным знакомством, обратиться с посланием-просьбой к руководителю МВД Германии господину Вилленбергу и к Уполномоченному по переселению немецких граждан с Востока господину Вельту.

Я написала, что обещанного мне в 2001 году выделения средств на строительство здания архива до сих пор нет. Не выполняется и решение 12-го заседания Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев, состоявшемся в Берлине 5-6 апреля 2004 года, о 400 тысячах евро, выделенных на реализацию проекта «Архив в городе Энгельсе», а мне в октябре исполняется 70 лет, я подаю заявление и ухожу на пенсионное обеспечение.

Руководитель ЗАО «Волга-развитие» господин Гайер по электронной почте отправил адресатам моё послание о том, что денег на новый архив так и нет и что я ухожу на пенсию. Сыграло ли оно свою роль, не мне судить, но 12 октября 2004 года, когда в здании читального зала центральной библиотеки энгельсские городские власти торжественно поздравили меня с юбилеем, прибыла делегация из Германии вместе с представителями ЗАО «Волга-развитие», руководителями немецких неправительственных организаций и объявили, что средства на реализацию проекта выделены.

Таким образом, только во имя архива, его будущего мне пришлось продолжать работать в должности директора уже не филиала, а Исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Не забуду, как Виктор Афанасьевич Родионов уговаривал меня заключить трудовой договор на пять лет, а я согласилась только на три года, и никогда об этом не пожалела. Срок моего директорства был определён до 11 октября 2008 года. За это время необходимо было не только начать и окончить строительство архивохранилища как пристрой к основному зданию архива, но и провести реконструкцию старого хлебного амбара, в котором мы работали и сохраняли своё бесценное богатство.

Естественно, что выделенных средств немецкой стороной не хватало. К этому времени Министерство экономического развития и торговли России тоже решило профинансировать проект. Только благодаря решению мэра города Михаила Алексеевича Лысенко нам был предоставлен в безвозмездное пользование земельный участок на том же месте, где располагался архив, – на окраине городского парка. Увеличен был земельный надел за счёт земли парка. Началось строительство пристройки, даже не дожидаясь окончательного утверждения проекта.

Тендер выиграла военная организация, но надо понимать, что средства шли не через архив, директора фактически к этим вопросам и проблемам не допускали. Я надеялась, что контролировать строительство нам поможет Артур Генрихович Карл, но он ушёл из жизни. Потому не всё удалось сделать. Особенно меня угнетало, что проектанты остановились на устаревшей системе кондиционирования воздуха, которая изначально не работала, а лишь «ловила» голубей в свои трубы. На все мои вопросы заместитель начальника Архивного управления П. А. Филин отвечал, что это не мои проблемы, тебе, дескать, архив построят. Как будто не я добивалась этого строительства много лет…

Отдел культуры МВД Германии выполнил своё обязательство: они выделили средства на оборудование здания архивохранилища, на которые были закуплены современные металлические стеллажи, шкафы и столы для работы сотрудников. Но установкой стеллажей занимались, к сожалению, не специалисты, а нанятые на работу мужчины, среди которых был и молодой человек, сын Филина. И тут не обошлось без проблем.

В то время я ещё не знала, что в Акт выполненных при строительстве работ позднее будет внесена несуществующая канализационная труба протяжённостью 1,2 км, идущая от здания бывшего педагогического училища.

7 июля 2005 года губернатор Саратовской области П. Л. Ипатов своим распоряжением создал на базе филиала областного архива в городе Энгельсе Областное государственное учреждение (ОГУ) «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе».

И что тут началось! Травлю вновь созданному учреждению и её директору, то есть мне, устроил уже упоминавшийся выше директор областного архива кандидат исторических наук Воронежцев. Он со своими сотрудниками, прежде всего Зоей Емельяновной Гусаковой, начальником отдела использования документов, кстати, весьма уважаемой мною специалистом, и бывшим работником архива, кандидатом исторических наук

Аллой Майоровой, написали «протестную» статью в журнал «Отечественные архивы». А сколько вышло подобных негативных публикаций в местных средствах массовой информации, сколько было написано подмётных писем в разные инстанции – не передать! Они даже додумались обратиться в Правительство Германии, надеясь, по наивности, получить ответ.

И всё это необходимо было пережить, выдержать во имя главной идеи, главной цели. Большая благодарность В. А. Родионову, который дал достойный ответ нашим обидчикам в том же журнале, в «Отечественных архивах» и во всём поддерживал наш коллектив.

Е. Ерина с депутатом Госдумы покровчанином А. Стрелюхиным.

Здание архива с новой пристройкой.

Трёхэтажное архивохранилище как пристройка к основному зданию архива было торжественно принято в эксплуатацию 18 августа 2005 года. На открытии присутствовали члены Правительства Саратовской области, депутаты Областной думы, делегация Правительства ФРГ, возглавляемая членом Бундестага господином Хансом Петером Кемпером. Архив получил здание в 1000 кв. м, из них 530 – площадь архивохранилищ вместимостью 300 тысяч единиц хранения.

Безусловно, остались проблемы, о которых я уже говорила, – отсутствие нормальной вентиляции, канализации. И до сих пор архив пользуется расширенной выгребной ямой (разрешение на её использование мне с большим трудом удалось получить по личной просьбе В. А. Родионова). Осталась не утеплённой и северная сторона здания. Даже если у строителей не хватало средств, то зачем же было проведено утепление южной стороны? Объяснить это не представляется возможным.

Российское правительство, как и обещало, выделило средства в сумме 17,5 миллионов рублей на реконструкцию старого здания, построенного в 1902 году под хранение зерна и с 1930 года хранившего архивы региона.

После переноса документов в новое архивохранилище, в чём нам несколько раз помогал и начальник Управления Родионов со своим коллективом, мы провели большую работу по наиболее рациональному размещению фондов на всех трёх этажах, провели проверку наличия всех дел, составили постеллажные и пофондовые указатели.

По завершении этой работы, архив 8-9 сентября 2008 года принимал гостей из Германии и России в новом читальном и выставочном залах, рабочих комнатах и в оборудованном архивохранилище, которые и сегодня производят хорошее впечатление на посетителей, пользователей и гостей архива.

Но и здесь не обошлось без нашей общей российской беды: в Акт выполненных работ был внесён старый подвал, в котором в своё время я при помощи нанятых рабочих устанавливала подпорную стенку, открывала полуподвальные окошки для вентиляции, которые строители умудрились закрыть.

Все эти перечисленные выше проблемы мне пришлось оставить в наследство будущим руководителям.

Сердце моё наполнилось гордостью, когда посетивший архив Чрезвычайный и Полномочный посол Германии в Российской Федерации господин Вальтер Шмид отметил «жертвенную и достойную восхищения работу по сохранению важного элемента нашей совместной российско-германской истории». Об этом он оставил запись в Книге отзывов Государственного исторического архива немцев Поволжья, которую мы завели только в период начавшейся стройки.

Как я уже сказала, срок моего директорства оканчивался 11 октября 2008 года. Но за месяц до окончания договора после торжеств, связанных с открытием всего комплекса, меня ближе к вечеру пригласили к начальнику Управления по делам архивов О. П. Трегубову – тому, который внезапно заменил В. А. Родионова. Трегубов, видимо, не знал, что я просто мечтала уйти с должности директора одновременно с В. А. Родионовым и В. С. Пискарёвой, но Родионов уговорил меня, чтобы я поехала на Форум Исторического Общества немцев из России в США, куда я уже была приглашена. Он меня убедил, что Правительство области не собирается его увольнять после юбилея, что просили его продолжить работу. Я улетела, а его во время моего пребывания на конференции в США заменили Трегубовым.

Вместе с Родионовым сразу же подала заявление и ушла с работы заместитель начальника Валентина Сергеевна Пискарёва, председатель экспертно-проверочной комиссии Архивного управления, я бы сказала, главнейший, талантливейший архивист области. Такого другого специалиста, который мог бы решить любой, самый сложный вопрос архивной службы области, я не знаю. И, самое главное, она оставалась при этом простым и добрым человеком. Правильно в стихотворении, ей посвящённом, А. А. Герасимов назвал её – «Архивная нам мать».

Естественно, молодой человек – Трегубов, возглавивший архивную отрасль, не мог понять, что делает «эта бабушка», то есть я, в Америке. Но со временем он понял, что именно Ерина должна окончить реконструкцию всего объекта, так как его сотрудники не смогли без меня решить в Энгельсе ни одну из возникших у них проблем. С большим трудом дождался…

Самое удивительное, что этот последний разговор со мной Трегубов доверил своим сотрудникам, а сам находился, как сказали, в отпуске, на рыбалке. Как неловко себя чувствовали сотрудники, мне их было искренне жаль. Какая мне была разница, уйти 11 сентября или по закону 11 октября? Они удивились, когда я спросила, с какого числа мне написать заявление.

Они даже не знали, что я в курсе, кто придёт на моё место. Комаров Иван Николаевич перед этим звонил мне и спрашивал, действительно ли я хочу покинуть должность, от которой мечтала освободиться. Но я не сообразила рассказать ему о том, что срок договора оканчивается 11 октября. И получалось так, будто меня увольняли не по моей воле. А в это время Комаров работал ещё в областном правительстве, и был к тому же в командировке. В каком неудобном положении оказались работники Управления, вам не передать. Они сразу же «потеряли» моё заявление на увольнение и попросили написать новое. Я ответила отказом. Очевидно, всё же «нашли».

Освободили меня от директорства без моего заявления с 17 сентября, когда новый руководитель смог приступить к работе. И. Н. Комаров убедительно просил меня стать его советником, пока он освоится с работой в архиве. Н. И. Старшова, одна из заместителей губернатора, обещала ему сделать меня официально советником директора, но не выполнила своего обещания. И он целый год держал меня на работе по Договору за счёт платных услуг, а в августе 2009 года я стала начальником отдела использования и публикации документов, после того как внезапно трагедийно (попала в ДТП) ушла из жизни Наталья Евгеньевна Гундарова, прекрасный человек и настоящий специалист архивного дела. Это она первая начала в архиве работу по генеалогическим исследованиям.

После всех этих «перестановок» моё хобби полностью совпало с работой, я освободилась от хозяйственных проблем и больше не надо было заниматься использованием документов в нерабочее время, потому я так долго и проработала в новой должности начальника отдела, решив, что уйду на пенсию после 27 января 2016 года, отметив своё 50-летие работы в архиве. Сколько мне удалось за время работы начальником отдела использования документов подготовить и опубликовать статей, читатель может ознакомиться в уникальном Сборнике Международной Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев за 1995-2010 годы и на сайте «Волгадойче», где имеется моя авторская страница, а также в моём личном фонде в архиве.

Особенно горжусь тем, что впервые за 90-летний период мы подготовили буклет «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе», в котором была дана история архива, опубликованы фотографии, перечень наших книг, сведения обо всех директорах архива, о сотрудниках, работавших на тот период. Буклет был издан, что особенно важно, на двух языках – русском и немецком. И моя безмерная благодар-

ность за его издание Международному Союзу немецкой культуры и её руководителям – Ольге и Генриху Мартенс. В нём вы увидите, что основные, подготовленные мною, в том числе и в соавторстве, работы были опубликованы также благодаря Международному Союзу немецкой культуры.

Немало времени уделяла я в этот период и общественной работе в Женсовете муниципального образования. С ним мы совместно с Энгельсским технологическим институтом организовали Университет старшего возраста, я продолжала работать в Комиссии по наименованию и переименованию улиц, не оставила и журналистскую деятельность уже как член Союза журналистов России.

Однако эти последние годы работы при всех положительных моментах достались мне, пожалуй, ещё тяжелее всех предыдущих в моральном плане.

Не успел И. Н. Комаров разобраться, какие документы он должен подписать, какие невыполненные работы должен признать выполненными, как началась его травля. Он пытался бороться, обращался в соответствующие органы. Не хочу вникать в это. Меня удивило и оскорбило совершенно иное. Поняв, что он непреклонен и будет разбираться в доставшихся ему проблемах после окончания стройки, его решили спешно уволить… «моими руками».

Меня вызвали к начальнику Управления делами Правительства области, которому подчинялось Управление по делам архивов, и предложили, пользуясь одним из недостатков директора, позвонить им «в подходящий момент», чтобы они могли директора тут же уволить. При разговоре, естественно, присутствовал и О. П. Трегубов. Он, наверное, забыл, как совсем недавно поступил со мной. До сих пор не помню, как я дошла домой с давлением, как оказалось, 230 на 160. Комаров на следующий день шутил: сдала ли я его. Но мне было не до шуток. Травля продолжалась, директор не выдержал и подал заявление на увольнение.

Вскоре после его ухода уволили (или уволилась) начальник Управления делами Правительства области, после неё тут же убрали и начальника нашего управления О. П. Трегубова. И пришли в архивную службу совершенно новые люди, о моральном облике которых я не хочу вспоминать и не хочу судить. «Не суди, да не судим будешь»…

Интересно началось моё знакомство с новым директором нашего архива – Ириной Сергеевной Дичковой. Подаренный администрацией города новый компьютер в день презентации архивного комплекса и последовавшего моего ухода с должности директора, естественно, остался в кабинете И. Н. Комарова. В день появления нового директора мне пришло приглашение от МСНК на Форум в Москву. Когда И. Дичкова вошла в директорский кабинет, я как раз находилась там за компьютером, чтобы дать ответ МСНК и рассказать о смене руководства в архиве. Ирина Сергеевна буквально огорошила: «Я еду с вами. Теперь я – директор». Я объяснила, что меня приглашают как исследователя, начальника отдела использования и публикации документов, но я могу объяснить господину Мартенсу и попросить его вместе со мной пригласить нового директора. Она мне милостиво позволила это сделать, причём внимательно следила за моими действиями. После того как я обратилась с такой просьбой, она села за компьютер и перед моей подписью впечатала свою – уже как директора архива. Думаю, комментарий здесь не нужен, как не стоит описывать и нашу с ней поездку. Хотя я пыталась поддерживать её как руководителя.

Но когда на следующий год МСНК пригласил на очередной Форум немцев России в Томск только меня, где я должна была выступить с сообщением, причём, это было сделано через Правительство Саратовской области, началась после моего возвращения дикая травля. Меня лишили кабинета, буквально выбросили оттуда мои документы, директор написала заявление в полицию, что мною украдены документы из хранилища, в которое, кстати, я уже была лишена допуска, и прочие глупости. После этого я оставила заявление на увольнение, в котором написала, что с таким директором работать не буду, и ушла с работы.

Только представьте себе, в чём она обвинила человека, у которого в архиве уже создан немалый личный фонд, кто оставил здесь большое количество книг учёных, писателей с дарственными надписями, который создал немало личных фондов знаменитых в крае людей! Да и человека, положившего жизнь свою на строительство пристройки и реконструкцию здания архива. Она даже не задумалась, зачем мне уносить из архива какой-то документ.

Но когда я узнала, что директор вызвала главного хранителя фондов С. А. Гоцко и дала ей указание провести полную проверку наличия всех фондов в архиве, даже не архивисту это показалось бы, по крайней мере, странным.

Не буду описывать всех происходивших событий после этого «дела», похода моего с сыном в полицию…

Когда же домой, под расписку, мне с почты принесли телеграмму, что если я не выйду на работу, то буду уволена по статье и моя трудовая книжка будет размещена в Интернете, естественно, я решила больше в архиве не появляться.

Жаль, что у меня в то время не было ни компьютера, ни смартфона, и я не знала, что развернулось в Интернете по этому поводу, но позднее прочитала то, что писали средства массовой информации в мою защиту.

Ко мне дважды приходила домой начальник Управления по делам архивов, плакала, рыдала, умоляла, чтобы я вышла на работу. Она боялась не только того, что её ставленница Дичкова будет уволена, но и того, что может пострадать сама. Я не сдавалась.

Пришёл сам начальник Управления делами Правительства области, кому подчинялась архивная служба. После долгой беседы его, молодого человека, я пожалела, тем более, он пообещал, что Дичкова будет уволена.

Так, только ради архива, во имя его освобождения от такого, с позволения сказать, руководителя, я снова оказалась в архиве. Снова пришлось многое пережить… В это непредсказуемое время для меня была очень ценной поддержка Энгельсской районной власти в лице Ю. Д. Лобанова, его заместителя по социальной сфере Татьяны Егоровны Ваниной и начальника отдела общественных отношений Елены Павловны Каштановой.

Смешно вспоминать, но когда в архив была назначена новый директор – Елена Павловна Каштанова, меня обвинили в том, что я не рекомендовала на работу директором своих сотрудников – либо С. А. Гоцко, либо О. Е. Скучаеву. Будто меня кто-то спрашивал. В этом меня упрекал и И. Н. Комаров. Но если бы меня вызвали в Управление и спросили, кого бы я хотела видеть директором из коллектива архива, то я, естественно, назвала бы только С. А. Гоцко – единственного в архиве историка-архивиста, к тому же она способна принимать собственное решение.

Но назначение Е. П. Каштановой хотя и явилось для меня, да и всего коллектива, совершенно неожиданным, было встречено мною с радостью. Я её знала по работе в обществе «Знание», в администрации Энгельсского и Марксовского муниципальных районов, в Областной администрации. Более того, она была знакома с проблемами архива, была и в курсе всего, что происходило в бытность руководства архивом Дичковой.

Но это не значит, что для меня началось время спокойствия. (Я уже не говорю о признании каких-то заслуг на архивном поприще, несмотря на все звания и награды, включая орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германии» первого класса. Им я была награждена в апреле 2007 года.) Ничего подобного! Ведь в Управлении по делам архивов, в Управлении делами Правительства, да и в Областном архиве долгие годы оставались те же люди, которые не хотели признавать самостоятельность Энгельсского архива и его директора.

Впрочем, для меня было главным, определяющим, что с приходом Е. П. Каштановой можно было уже не беспокоиться за судьбу моего детища. Отметив важную для меня дату – 50-летие работы в архиве, я подала заявление на увольнение, правда, была уволена по приказу не с 28 января 2016 года, а с первого апреля.

Я благодарна директору, что она своим приказом назначила меня своим советником на общественных началах и предоставила кабинет. И с того времени я сосредоточилась на работе по созданию своего фонда, передаче в архив собранных мною ранее документов и фотографий, по использованию документов нашего и других государственных архивов. Естественно, консультировала по необходимости и сотрудников. И до сих пор Елена Павловна Каштанова, Наталья Геннадиевна Марченко, Ирина Чумакова, Ольга Котелева, Ольга Суворова и другие сотрудники архива оказывают мне необходимую помощь. Именно благодаря поддержке архивистов я продолжаю изучать необходимые мне материалы и писать очерки о людях и событиях тех времён.

Коллектив архива выиграл грант и издал Путеводитель по фондам: так была исполнена ещё одна моя заветная мечта.

Радуюсь и тому, что архивисты продолжают получать существенную помощь от спонсоров, что позволяет им ещё шире пропагандировать своё документальное богатство.

За последние годы вышли 5-й и 6-й тома моих очерков-исследований «Под Покро-

вом Богородицы», постоянно и по сей день мои работы публикуются А. Германом в Ежегоднике Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. В настоящее время большая часть моих работ переводится Международным Союзом немецкой культуры в электронный вариант. Такая библиотека создаётся ими для российских немцев, для центров немецкой культуры. Это явилось для меня полной неожиданностью, как и то, что заведующая Энгельсским ЦНК А. Шуваева выиграла грант на издание моего двухтомника «Немцы Поволжья» и в Центре немецкой культуры состоялась его презентация. Пусть и в сокращении, в несколько энциклопедическом стиле был издан второй том, посвящённый персоналиям. Я постоянно благодарю А. Шпака, который опубликовал на моей странице на сайте «Волгадойче» эти статьи так, как они написаны автором.

Трёхтомник по обычаям, пословицам, поговоркам и кухне поволжских, российских немцев, куда вошли и два моих сборника, написанные в соавторстве с учёными, в мае 2021-го тоже был издан. Грант на его издание, также от МСНК, выиграла Елена Гейт.

Если найдутся спонсоры, возможно, нам с Е. П. Каштановой удастся издать и 7-й том моих исследований «Под Покровом Богородицы». Хотелось бы окончить и работу, которую мы своим творческим коллективом (Е. Ерина, Е. Каштанова, О. Котелева) в черновом варианте уже подготовили. Это будет справочник (или путеводитель) по площадям и улицам Покровска – Энгельса.

Так что жизнь продолжается, и я желаю Государственному историческому архиву немцев Поволжья, его коллективу дальнейшего процветания.

И в заключение.

Безусловно, человеческая память не совершенна. О многом, наверное, я не написала.

Не рассказала о нашей дружбе с замечательным меценатом А. Г. Камаевым, благодаря которому в Энгельсе появился, к примеру, памятник Ф. Кобзарю, а в Марксе – памятник Ф. Нансену.

Не поблагодарила А. В. Бурмистров за постоянные публикации моих работ в «Новой газете – Энгельс».

Не рассказала, каким унижениям я подвергалась со стороны третьего секретаря горисполкома Евгении Ивановны Шебеко, да и только ли её! Хорошо помню, как она относилась ко мне, когда я была заведующей кадрами ОблОНО и назначала её директором школы. А когда я стала директором филиала «какого-то для них архива», она забыла моё имя и отчество и по телефону говорила: «Товарищ Ерина, зайдите ко мне»… Как пренебрежительно отозвался о моём переходе на работу в архив заведующий ОблОНО В. Д. Чибирёв при нашей встрече на площади Ленина в Энгельсе с заместителем министра народного образования России Л. Матросовым, и какую отповедь он получил от Матросова.

Не поведала, почему не пошла на работу в горисполком руководителем службы делопроизводства по приглашению секретаря исполкома Августины Петровны Ефремовой, которая к тому же обещала мне дальнейший рост по службе. Не рассказала и о том, как переживали и выживали без зарплаты мои сотрудники в лихие 90-е.

На саратовской набережной, 2021 год.

Наверное, не упомянула ещё многих, с кем прошли мы этот трудный путь, не назвала многих своих замечательных соавторов. Но о них я рассказывала в своих очерках и в предисловиях к исследованиям, опубликованным в разные годы в шести томах «Под Покровом Богородицы».

Не рассказала и о сотрудничестве со многими общественными организациями.

Не сумела поблагодарить огромное количество граждан нашей страны и многих из стран Зарубежья – тех, кто много лет поддерживал меня в моих устремлениях сделать архив самостоятельным и известным во всём мире. И тех, кто пополнял архив своими подлинными документами, фотографиями, воспоминаниями, кто неоднократно рассказывал о деятельности коллектива архива и её руководителя на страницах средств

массовой информации, научно-популярных и научных изданий. И пусть простят меня за это мои дорогие коллеги и читатели.

Я буду весьма благодарна всем, кто дополнит или даже поправит какие-то неточности своими воспоминаниями, памятуя, что это ведь не научная статья. Любые воспоминания всегда весьма субъективны.

Но цель, которая стояла передо мной, была одна – оставить память о государственном архиве, который много раз пытались уничтожить, а он выстоял, выжил, всё выдержал и успешно идёт к своему 100-летнему юбилею. С чем я его и поздравляю!

2022 год